

Сущёв Сергей

12+

Сергей Владимирович Сущёв

Сестричка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63540166

SelfPub; 2020

Аннотация

Великая Отечественная война длится уже второй год. В ноябре 1942 года санинструктор Наталья Александровна Качуевская в составе 105-го гвардейского полка участвует в операции "Уран". Как и тысячи медиков, она вытаскивает из-под огня раненых товарищей. 20 ноября ей приходится принимать судьбоносное решение.

Содержание

Штаб дивизии	5
Камлыкские степи	10
Холодный ноябрь	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сергей Сущёв

Сестричка

Ты в белом халате бредёшь по палате.

А кто-то в степи, в крови и грязи.

Ты врач современный, стерильный и бранный.

А кто-то под пулей, раны врачуя,

Солдата бинтует, жизнью рискуя.

Не будь привередлив, мой друг незабвенный,

И помни мгновенья, их жизней биенье...

Штаб дивизии

Серые рваные тучи плыли над степными равнинами. Ноябрь выдался сырым и ветреным. Сильные порывы промозглого ветра пробирали сквозь ватник до костей. В воздухе ощущалось веяние зимы. Серое небо могло разверзнуться, и на землю падали холодные капли дождя, застилая взор противоборствующим сторонам. А когда дождь перемежался, степь словно вытягивала всю влагу, оставляя чахлые растения колыхаться и сохнуть на порывистом резком ветру. В эти минуты воздух казался ещё более холодным. И хотелось втянуть шею поглубже в плечи, закутавшись в одежду как можно сильнее, сохраняя выветриваемое тепло.

Десяток полуторок неторопливо двигался по узкой просёлочной дороге среди бескрайней калмыкской степи. Солнце заходило, и на степь опускалась кромешная тьма. Фары на автомобилях затягивались кожухом, оставляя только узкую полосу, но и её шофера не спешили зажигать. Близость линии фронта заставляла водителей соблюдать светомаскировку. Машины никогда не доезжали до передовой, пополнение подвозили к штабу батальона или полка. Там красноармейцы спешивались, командиры получали назначение и маршем преодолевали оставшееся расстояние.

В грузовиках мерно покачивались солдаты, кто-то дремал, кто-то нервно потирал вспотевшие руки, напевая под

нос для храбрости.

– Товарищ сержант, разрешите обратиться?

– Разрешаю.

– Товарищ сержант, когда мы сможем бить врага, а то всё едим и едим?

– А ты боишься, что от скамьи задница плоской станет? – Неспящие усмехнулись в рукава шинелей, стараясь не гоготать. – Не волнуйся, Семёнов, скоро нам представится такая возможность. Да и не только бить, а так бить что бы бежали без оглядки. Наши товарищи в Сталинграде жизни не щадя удерживают свору гитлеровских шакалов. Мы же будем их левым флангом, нам нужно ровняться на них, быть смелее и отважнее. Нужно бить врага так, чтобы земля под ногами у них горела.

Машины вырулили на возвышенность и покатались под горку. Вскоре из сумрака показались окопы противовоздушной обороны штаба, обложенные мешками. Закатное солнце, отражаясь от тяжёлых дождевых облаков, играло багрянцем на стволах 37 миллиметровых зенитных орудий. А впереди можно было разглядеть начинающиеся траншеи, окутанные маскировочными сетками. 28 Армия дислоцировалась южнее Сталинграда, успешно отражая атаки прихвостней Гитлера. Командованию казалось, что маятник войны остановился в своей верхней точке и начинал своё движение в обратную сторону. Немецкое наступление было остановлено, но сбросить врага с насиженного за летние месяцы места

пока не выходило.

Дорога свернула, и колонна полуторок выехала на ровный участок хорошо утрамбованной земли, прямо под стволы лёгких танков Т-26, а поодаль стояли угловатые бронемашины БА-64, в одной из которых ковырялся перемазанный красноармеец в чёрном комбинезоне. Автомобили остановились, петли жалобно заскрежетали, отворяя дверь в кабине первой полуторки. На землю быстро спрыгнул молодой лейтенант, оправляя форму, нахлобучивая шапку. Из траншеи к колонне вышел невысокий в потёртой форме капитан в сопровождении двух старшин. Лейтенант сделал несколько быстрых шагов, остановился возле капитана, и, приложив руку к виску, отрапортовал:

– Товарищ капитан, пополнение, направленное штабом армии, прибыло.

– Вольно, лейтенант. Командуй разгрузку, а потом пойдём вас ставить на довольствие в полку. Личный состав может оправиться. Ротные с нами.

– Есть! – Лейтенант приложил ладонь к виску и, повернувшись к машинам, громким командным голосом огласил:

– Слушай мою команду! Сержантам произвести разгрузку и оправку личному составу! Ротным проследовать для получения дальнейших распоряжений!

Площадка буквально загудела. Первые спрыгнувшие откидывали борта полуторок, позволяя другим снимать с кузовов тяжёлое вооружение и ящики с боеприпасами. Один

из ординарцев направился к машинам, а старшие офицеры пополнения направились к ожидающему капитану. Отсалютовав друг другу, офицеры направились по затянутым маскировочной сеткой траншеям. Перед дверью блиндажа их встретил пост охраны штаба, бойцы, вооружённые автоматами, пристально вглядывались в подошедших. Поприветствовав офицеров, солдат отошёл от двери, приоткрывая её. И как последний из ротных был поглощён слабым светом блиндажа, тут же затворил за их спинами деревянную дверцу.

Блиндаж освещался масляными лампами, расставленными по всем углам, избавляясь от неосвещённых мест и глубоких теней. У правой стены стоял огромный стол, вокруг которого толпилось много офицеров. Капитан выдернул оттуда усатого писаря и передал новоприбывших ему.

– Списки личного состава передадите ему, – капитан указал на усача, – он ваших людей поставит на довольствие в полку. Опосля посидите, вам поставят задачу, – кивнул на лавочки, идущие вдоль стены.

На такой лавочке ближе к углу блиндажа сидела молоденькая девушка. Заметив её, капитан вздохнул и направился к ней.

– Товарищ Качуевская, – обратился он к ней, – вы всё ещё здесь. Неужели снабженцы не обеспечили всем необходимым полковой госпиталь? Или у вас есть ещё какие незавершённые дела?

– Обеспечили, Василий Макарович. Я бумаги привезла.

И...

– И опять на передовую проситься пришла. Ходатайство о переводе в снайперы отклоняю, – укоризненно проговорил капитан.

– Но..., – твёрдым голосом попыталась возразить девушка.

– Эх, товарищ Качуевская, – покачал головой капитан, – была бы моя воля, оставил бы вас в тылу ухаживать за ранеными. А на передовую разрешал только парням идти, – он ещё раз мотнул головой, – в ближайшее время получите приказ о прибытии на передовую вместе со всеми санинструкторами. Кандрашов! – Окликнул он писаря.

– Я, товарищ капитан!

– Бумаги принял у товарища Качуевской?

– Так точно!

Капитан вновь повернулся к девушке. Та улыбалась открытой задорной улыбкой. Желание попасть на передовую сбылось, теперь она вновь сможет помогать товарищам непосредственно в бою. Покряхтев не по возрасту, Василий Макарович покачал головой и, чуть наклонившись, по-отцовски молвил.

– Ну, ступай. До Хулхута отправляется машина. Прямо до госпиталя. Ступай, а то пешим строем придётся идти. – Девушка отсалютовав направилась к выходу из блиндажа.

Камлыкские степи

Спустя полчаса Наташу Качуевскую уносила потрёпанная полуторка. Закутавшись в шинель, она смотрела куда-то вдаль, туда, где небо смыкалось с землёй. К началу войны ей исполнилось всего 19 лет. И как тысячи молодых людей, первокурсница ГИТИСа Наташа Спирова стремилась попасть на фронт. Раз за разом юная студентка получала отказ. Но не опускала рук, с упорством писала прошение военкому.

В голове, как фотокарточки проявлялись лица молодых смеющихся солдат. Всплывали картины воинских частей, что посещала их концертная бригада, состоящая из не окончивших института молодых актёров. Она собрала и возглавляла их, стараясь хоть чем-то помогать фронту. Им было немногим меньше тех смеющихся и задорно хлопавших красноармейцев. Но отчего-то именно лица необстрелянных юнцов вспомнились Наташе.

Машину покачивало, свет фар выхватывал редкий кустарник, росший вдоль обочины. От этого монотонного движения начинало клонить в сон. Перед глазами поплыла дымка забытия, и в этой пелене, как на экране дома культуры прорисовывались концерты в госпиталях. Они пролетали, не задерживаясь, кроме того, где состоялась первая встреча с Павлом Павловичем Качуевским, командиром специального отряда.

Шумными овациями сопровождался последний номер, показанный артистами в тыловом госпитале. Наташа наблюдала за импровизированным залом из-за небольшой шторки, сделанной на скорую руку на манер театрального занавеса. Это было не первое их выступление, но она всё равно волновалась, хоть и не показывала этого открыто. На плечо аккуратно легла рука, большая сильная. От неожиданности Наташа вздрогнула.

– Извините, я вас напугал, – послышался мужской громкий шёпот. Наташа обернулась. Рядом с ней стоял высокий мужчина, опирающийся на палку-трость, – у ваших товарищей хорошие номера, бойцы прибывают в приподнятом настроении.

– А вы почему здесь, а не в зале?

– Хотел поблагодарить артистов от ребят и себя самого. То, что вы делаете, очень нужно для поднятия настроения раненых.

– Странно, я вас не видела в зале.

– Это потому, что моё место во-о-он там, – тихонько потянул мужчина, указывая на дальний ряд, – мои товарищи в третьем ряду.

– Отчего же вы на самой галёрке?

– Командир должен заботиться о своём личном составе даже на излечении.

Так их первое знакомство и произошло. Павел оказался внимательным и заботливым мужчиной. Наташа была очаро-

вана им, встречи стали частыми. Прогуливаясь по больничному парку, где Павел проходил реабилитацию после очередного ранения, они много общались. Он не рассказывал о войне, не пытался вскружить голову ратными подвигами. Рассказы его были о людях, служивших с ним в одном отряде.

«Мама, он такой добрый, честный и заботливый, ему доверяют свои жизни множество людей, и я свою готова доверить, – рассказывала она матери Александре Леонидовне, – он мне самый родной и близкий, я готова идти за ним в огонь, и в воду».

А вскоре Наташа и Павел поженились, их желание быть вместе было обоюдным, и война не могла встать на их пути.

– Слышь, дочка, – окликнул её шофёр, – Расскажи что-нить, а то гляди того засну за баранкой. Третьи сутки без передыху кручу.

Наташа восторгалась, отгоняя видения драгоценных мгновений прошлого. За рулём сидел усатый мужичок лет пятидесяти, кряжисто покашливал в кулак и изредка потирал глаза, позёвывая, встряхивая головой.

– А о чём рассказать? – Девушка провела ладонью по лицу, оставляя дремоту позади автомобиля.

– Да хоть о чём, где жила... – шофёр широко зевнул, – я вот, из-под Ярославля, у нас там такая природа. Идешь по

лугам, от запаха цветов голова кружиться начинает. А ягоды какие в лесу ягоды! М-м-м...

– А я из Москвы. До войны училась. Успела закончить только первый курс ГИТИСа, это институт театрального искусства.

– Студентка? – Наташа мотнула головой. – Ну, ничего, война закончится, и сможешь вернуться к учёбе, – он немного помялся, – все вернёмся.

Грузовик качнуло на ухабе, и дорога пошла в горку. Наташа стала рассказывать о своём детстве, и как прошёл её первый год учёбы, как прекрасна Москва весной. Она говорила, что приходило в голову. Водитель теребил ус, побрякивал, потирал глаза, а иной раз и сам вставлял в разговор историю или байку. Так они и доехали до Хулхута. У посёлка их остановил патруль. Офицер проверил документы и накладные, а солдат осмотрел кузов. Машина ехала в госпиталь за медикаментами для передовой, и осматривать в полуторке было нечего. Так что через минуту полуприкрытые фары автомобиля освещали своим тусклым светом тёмные улочки у госпиталя.

– Ну, вот и приехали, дочка. Ступай, а я скажусь главврачу, да спать. А то от усталости мы еле-еле добрались. Пару часов на сон, а там снова за баранку. Да и у тебя дел непросторот будет.

Шофёр погасил фары, и белое здание поглотила ночь. Оно казалось заброшенным, с пустыми глазницами окон. Плот-

ные занавеси укрывали жизнь и суету внутри госпиталя, не пропуская на улицу и малейшего лучика, дабы не навести вражеские самолёты на место положения жизненно важного объекта.

Холодный ноябрь

В ночь на 20 ноября младшие офицеры вывели весь личный состав на позиции. В кромешной тьме, ёжась под ледяным ветром, Наташа наблюдала за бойцами, проходившими мимо медицинского блиндажа. Она вглядывалась в лица красноармейцев, вспоминая своего дорогого и любимого мужа. Их счастье было коротким. Почти сразу после их свадьбы Павел Павлович Качуевский был отправлен в спецотряд партизан «Вторые», ведущий подрывную деятельность под Могилёвом. Прошло уже несколько месяцев, как Наташа ушла на фронт, окончив курсы санинструкторов, а о нём так ничего и не было ей известно. Но она верила, что они встретятся, может быть это будет сегодня, а может завтра.

Тяжёлый сорок второй год подходил к концу. Встретившие в середине лета вооружённую до зубов 6-ую армию вермахта бойцы 62-ой и 64-ой Рабоче-крестьянской Красной армии заставили остановиться слаженный механизм третьего рейха. В ожесточённых Сталинградских боях красноармейцы сковали элитные немецкие силы. Не помогала фашистам и поддержка их союзников, 8-й итальянской и 2-й венгерской армии. А 4-я танковая на улицах города на Волге оказалась малоэффективной. Увязнув в советской обороне, немцы вынуждены были топтаться на месте, а впоследствии прекратить наступление, так и не выполнив поставленной за-

дачи переправиться через Волгу, перерезав жизненно важную артерию Советского союза.

Холодными иголками снег летел Наташе в лицо. Под прикрытием разыгравшегося ненастья красноармейцы подошли к переднему краю незаметно. Как поговаривали, мамалыжники не любили мёрзнуть в продуваемой колючими ветрами степи. А в такую непогоду авиационная разведка не могла подняться с аэродромов для вскрытия перемещений Красной армии.

К рассвету ненастье начало утихать, засыпав степь толстым ковром пушистого снега. Солнце ещё не показалось над горизонтом, но рассветный сумрак уже отступал. Белый ковер начинал искриться в лучах восходящего под лиловыми тучами светила, слепя солдат, заставляя их жмуриться.

105-ый гвардейский полк, где служила Наташа, готовился к отчаянному рывку до вражеских позиций. Даже при поддержке танков прорвать хорошо укреплённые и эшелонированные позиции румын было делом трудным и грозило большими потерями. Санинструкторам предстояли тяжёлые деньки. Каждый санитар в полку понимал свою задачу, кажущуюся со стороны очень примитивной.

«Наша часть отважно била гитлеровцев, по-гвардейски, потом нас отвели в тыл на отдых и пополнение. Скоро ненавистный враг опять будет получать по первое число от нас. (Писала Наташа в своём письме маме.) Хочу быть снайпе-

ром, чтобы самой убивать проклятых фашистов, топчущих нашу землю. А пока ухаживаю, как за родными братьями, за ранеными нашими товарищами.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.